
pocket**book**

rocket**book**

ИРЛАНДСКИЕ СКАЗАНИЯ

МОСКВА
2018

УДК 398.2(=15)
ББК 82.3(4Ирл)-6
И81

Перевод с английского, предисловие *Л. Володарской*

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Всадники сидов» (1911)
художника *Джона Дункана* (1866—1945)

Ирландские сказания / [пер. с англ., предисл.
И81 Л. Володарской]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-098052-9

Добро пожаловать в мир ирландской мифологии, полный магии, битв, чудес и опасностей. В этой книге вас ждут древние предания о Луге, Кухулине и Финне в переложении леди Изабеллы Августы Грегори. В них неотделимо сосуществуют история и псевдоистория, боги и герои, язычество и христианство, сказка и реальность, общечеловеческое и ирландское. Эти увлекательные повествования захватывают дух и приобщают к удивительной культуре ирландского народа.

УДК 398.2(=15)
ББК 82.3(4Ирл)-6

© Л. Володарская, перевод, предисловие, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098052-9

ОБ ИРЛАНДЦАХ И ИРЛАНДСКИХ СКАЗАНИЯХ

В России знакомство, прямо скажем, восторженное знакомство с кельтскими сказаниями началось чуть больше двухсот лет назад и довольно необычным образом.

...«Ты ль это?..» — возопил герой
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

Ну конечно, Александр Сергеевич Пушкин — «Кольна. Подражание Оссиану», примерно 1814 год. Первое же в русской поэзии стихотворение на сюжет Оссиана было написано Иваном Ивановичем Дмитриевым (1760 — 1837) в 1788 году, когда во время войны со Швецией поэт находился в Финляндии. Из последовавших за этим переложений «Поэм Оссиана» и откликов на них можно составить довольно толстый том прекрасных стихов В. В. Капниста, В. Л. Пушкина, Д. В. Веневитинова, С. Н. Глинки, А. И. Писарева, М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Н. С. Гумилева и многих других, а ровно через сто лет после Пушкина другой поэт, Осип Эмильевич Мандельштам, словно подвел итог оссиановской традиции, сказав:

...Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.

Итак, кельтские сюжеты проникли в русскую литературу и навсегда очаровали ее. Но почему «необычное знакомство»? Потому что довольно скоро выяснилось, что «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765), то есть «галльские, иначе эрские или ирландские стихотворения», как бы принадлежащие барду III века Оссиану, или Ойсину, сыну Фингала, на самом деле принадлежат перу шотландского поэта Джеймса Макферсона (1736–1796), собирателя кельтских сказаний. Мистификация оказалась очень удачной не только для ее автора, но и для ирландских сказаний, которые, правда, приобрели несвойственное фольклору романтическое звучание, но зато стали известны всей читающей Европе.

Ирландцы, наследники кельтских, индоевропейских племен, издавна населяли остров Ирландия, где примерно в V веке распространилось христианство и появились монастыри, которые стали очагами книжной культуры и сыграли огромную роль в сохранении народных сказаний. Барды и священнослужители как будто заключили мирный договор, который послужил на пользу ирландской культуре. Скорее всего так и было, недаром величайшие ирландские святые — Патрик, посланец Церкви, Бригита,

языческая богиня, и Колумб, бард из королевского рода¹.

Пережив набеги викингов в VIII — XI веках, потом нормандское завоевание, Ирландия сохранила свою богатую литературную традицию вплоть до середины XVI столетия, когда английский король Генрих VIII принял титул короля Ирландии и начал политическое и военное «умиротворение» не желавшей покоряться страны. Это продолжалось довольно долго, пока в сражении при Кинселе (1601) сопротивление Ирландии не было вроде бы окончательно сломлено, потому что окончательно оно не было сломлено никогда, о чем рассказывает едва ли не непрерывная череда ирландских восстаний против английской короны.

Одно из восстаний вспыхнуло в середине XVII столетия и продолжалось с 1641 по 1652 год, но Оливер Кромвель с чудовищной жестокостью подавил его и установил такие карательные законы, что, казалось, не только независимой Ирландии, но и Ирландии как ирландской земле больше не оправиться, ведь ее вожди и воины едва ли не толпами бежали в страны континентальной Европы. Тогда-то и появилось выражение «дикие гуси», которое прижилось в отношении покинувших родину ирландцев.

Оставшихся ирландцев выселяли с их исконных земель, ирландский язык был запрещен, и хотя, как ни странно, именно XVII веку, когда можно было лишь мечтать о возрождении, принадлежит «История Ирландии», написанная Джеффри Китингом, к тому же времени относится и указ, предписывавший, по

¹ Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 15.

крайней мере в Мунстере, «...всех бардов и сочинителей... лишить состояния и всякого добра, заковать в колодки, покуда они не оставят свою пагубную жизнь и не обратятся к иному занятию»¹. Тогда-то и сложилась поговорка: «Что в ад, что в Коннахт». Но не только барды, хранители устной традиции, лишённые защиты когда-то могущественных ирландских вождей, были вынуждены бежать от всевластной английской короны, но и ирландские монахи, хранители письменной учености, искали прибежища в континентальной Европе, где в XVII веке появилось множество ирландских колледжей — в Саламанке, Антверпене, Париже, Бордо, Праге и др. В самой Ирландии в это время оставалось очень мало рукописных книг — может быть, к счастью, — так как большая часть, как считалось, «пропавших» книг все же была сохранена и в конце концов вернулась на родину.

Книги шотландца Джеймса Макферсона сыграли неоценимую роль в истории кельтского фольклора, который до тех пор был достоянием бардов и монахов, если так можно выразиться, они стали границей между одной, подошедшей к концу эпохой и другой эпохой, которая только начиналась. После выхода в свет «Сочинений Оссиана» общекельтский фольклор подвергся определенному пересмотру и им всерьез занялись ученые, что очень важно, ибо носителей кельтских языков было очень мало. Но, кроме того, народные сказания, легенды и песни сослужили немалую службу в создании национальных литератур Нового времени, уже на английском языке, однако укорененных в собственном фольклоре и имеющих свои яркие особенности.

¹ Цит. по: Похищение быка из Куальнге. М, 1985. С. 385.

Влияние кельтско-ирландского фольклора на новую ирландскую литературу, появившуюся не в один день, происходило в два основных этапа, но это не значит, что, начавшись, оно прекращалось или, скажем, прекратилось к сегодняшнему дню.

Первый этап приходится на самый конец XVIII столетия, когда после недолгого затишья Ирландия вновь бурлила, готовясь к восстанию (1798 и 1801 годов), и студенты Дублинского университета, будущие участники и руководители восстания, проявляли повышенный интерес к сохранившейся ирландской музыке и песням. В это время в университете учился Томас Мур, которому было суждено стать первым ирландским национальным поэтом со всемирной славой. И дело тут далеко не только в ирландских исторических или социальных мотивах, пронизывавших все его творчество. Например, «Ирландские мелодии» (1808 — 1834) сразу обрели невиданную популярность в Ирландии и оказали влияние на романтическую поэзию других стран, где также стали появляться циклы национальных мелодий. История «Ирландских мелодий» такова. В 1796 году, когда Мур еще учился в университете, был издано собрание ирландских мелодий, в основе которых лежали записи, сделанные в 1792 году Дж. Макдоннелем во время традиционного фестиваля арфистов. На них-то Томас Мур и написал свои стихи, которые получили название «мелодий» и определили новый жанр лирической поэзии, большей частью основанной на исторических и легендарных национальных сюжетах, персонажах, литературных образах, тропах и обязательно положенной на национальную музыку. А так как Мур опирался на древние мелодии, которые когда-то сопровождали некие слова, то он не мог не подчинять свои стихи ритмам,

отличавшимся от тех, что были приняты в английской поэзии романтического времени. Таким образом, Томас Мур сделал две важные вещи. Во-первых, он вновь привлек внимание к ирландским сказаниям и сказкам, к реальным и вымышленным героям как далекого, так и недавнего прошлого и, главное, сделал их неизменными персонажами новой ирландской литературы. И, во-вторых, он с самого начала определил существенные музыкальные особенности новой национальной ирландской поэзии, которые перешли к ней из устной традиции.

Второй этап также пришелся на очень беспокойное время — конец XIX — начало XX века — в Ирландии, когда политические и социальные претензии к Англии привели к восстанию (Дублинское восстание 1916 года, среди казненных вождей которого были три поэта). Но это время известно также движением Ирландского литературного (или культурного) возрождения, вдохновителем которого был ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс, нобелевский лауреат 1923 года, заявивший о себе поэмой «Странствия Ойсина», которая написана как диалог святого Патрика и барда Ойсина, вернувшегося из Страны Вечной Юности, и почти в точности повторяет одну из древних легенд.

Св. Патрик.

Ты стар. Ты слеп, согбен и лыс.
 На сердце тяжесть. Мысли разбрелись.
 Три века в мире ты блуждал
 И лирой бесам угождал.

Ойсин.

Все прежнее ушло с годами:
 И копыта стройными рядами,
 И кудри на ветру, и громы,

И танцы, и надрыв струны,
И обнаженность в час ночной...
Но песни, пусть слова их невесомы,
Доныне странствуют, как диск луны...

(Перевод А. Шарповой)

Сюжеты ирландских сказаний проникают не только в стихотворения и поэмы Иейтса, они также питают его драматургию, которая стала основой репертуара театра Аббатства — идейного центра Ирландского литературного возрождения. Кстати, в отличие от Томаса Мура, Иейтс в своих литературных исканиях не был одинок. Для Джеймса Стивенса, Джорджа Расселла, Джона Синга, великого Джеймса Джойса реалии ирландского фольклора были средствами самовыражения. Но это стало возможно только благодаря тому, что ирландские сказания и легенды не были лишь объектом сохранения и изучения для ученых мужей, но вошли в повседневную бурную жизнь страны и отдельного человека, как памятник на почтамте в Дублине трем казненным поэтам и вождям Дублинского восстания 1916 года, который изображает великого героя древности Кухулина, привязавшего себя к скале, чтобы умереть стоя.

Иейтс немало постарался, чтобы переложить ирландские древности для современного читателя, но, пожалуй, самая большая заслуга в популяризации сказаний принадлежит леди Августе Грегори, драматургу и сподвижнице Иейтса в движении Ирландского литературного возрождения, которая много времени и сил посвятила пересказу мифов на английском языке и делала это с великолепной поэтической точностью.

Наследие ирландской мифологической традиции очень велико и разнообразно, однако оно не дает возможности составить реальную историческую картину жизни на острове Ирландия, о докельтском периоде которого нам, по сути, совсем ничего не известно. Еще до Потопа явившаяся сюда со своими спутниками Кессаир не оставила каких-то заметных следов своего пребывания на этой земле. И лишь Финтан из ее свиты пережил несколько чудесных превращений в разных животных и сохранил память о многих событиях. Потом на ирландскую землю пришел некий Партолон, и с его именем связывают не только искусство варить пиво, но и первое столкновение с фоморами, демоническими существами, немало досаждавшими ирландцам в будущем. Потом был Немед, сразившийся с фоморами и потерпевший поражение, когда спаслись лишь три брата Стары, Иарбонел и Фергус. Потом были фирболги («бешеные») — воины, с которыми связывают упрочение королевской власти и разделение Ирландии на пять королевств, и божественные племена богини Дану, которые принесли в Ирландию четыре сокровища — меч Нуады, котел Дагды, копьё Луга и камень Лиа Файл. В сказаниях неотделимо сосуществуют псевдоистория и история, боги и герои, язычество и христианство, сказка и реальность, общечеловеческое и ирландское, рассказывая о значительных событиях в мифологизированной истории ирландского народа и об ирландском характере, каким он сложился в веках, а возможно, и в тысячелетиях.

Л. Володарская

БОГИ

ЗАВОЕВАНИЕ ИРЛАНДИИ ПЛЕМЕНАМИ БОГИНИ ДАНУ

1. Война с фирболгами

Племя богини Дану, или дети Дану, как зовут их простые ирландцы, появились в Ирландии, когда землю укрывал густой туман. Они пришли с севера, и там, откуда они пришли, у них было четыре города: великий Фалиас, сияющий Гориас, Финиас и богатый Муриас, что южнее других. В каждом из них жил мудрый муж, обучавший юношей всему, что знал сам. Сениас жил в Муриасе, светловолосый бард Ариас — в Финиасе, благородный сердцем Уриас — в Гориасе, и Мориас — в Фалиасе. Из своих четырех городов дети богини Дану принесли четыре сокровища. Из Фалиаса — камень чистоты и невинности, который они называли Лиа Файл, или Камень Судьбы, из Гориаса — Меч, из Финиаса — Всепобеждающее Копье, а из Муриаса — четвертое сокровище, Котел, в котором любая еда получалась на славу.

В то время королем племени богини Дану был Нуада, но могущественнее его был Мананнан, сын Лира. А из других великих мужей мы назовем Огму, брата короля, который учил письму детей Дану, и Дайансехта, знавшего лекарское искусство, и Нейта, бога сражений, и Кредне Мастера, и Гойбниу Кузнеца. А из великих жен мы назовем Бадб, богиню сражений, и Маху, съедавшую головы мужей, polegших в сражениях, и Морриган, Ворону Сражений, и дочерей

Дагды — Эйре, Фодлу и Банбу, давших свои имена Ирландии, и Эадон, няньку бардов. И Бригит, воспетую бардами, потому что велика и справедлива была ее власть. А еще она умела лечить, и знала кузнечное искусство, и первой изобрела свисток, чтобы переключаться в ночи. Одна сторона ее лица была уродливой, а другая прекрасной. Имя же ее значит «огненная стрела». Но прежде всех великих королей была Дану, прозванная Матерью Богов.

Превыше всего остального сиды чтили плуг, солнцу и лесной орех, поэтому, говорят, когда они пришли в Ирландию, то поделили ее между Кольмом-орехом, Сехтом-плугом и Грайаном-солнцем.

Недалеко от моря на родине сидов бил родник, и вокруг родника росли девять лесных орехов мудрости, вдохновения и поэтического знания. Листья и плоды опадали с них в один час, поднимая в роднике красную волну, в которой уже ждали пять лососей. Они съедали все орехи, отчего чешуя у них покрывалась красными пятнами, и если бы кому-нибудь пришлось съесть одного из этих лососей, он бы познал и мудрость, и поэзию. Семь потоков мудрости вытекали из родника и возвращались в него, и служители многих искусств утоляли из них жажду.

В первый день Белтайн, что теперь называется Майским днем, пришло в Ирландию племя богини Дану, и пришли дети богини Дану сначала в северо-западную часть Коннахта. Ничего не заметили фирболги из племени охотников, задолго до них явившиеся в Ирландию с юга, кроме укрывшего горы тумана.

В Тару к Эохайду, сыну Эрка и королю фирболгов, примчались гонцы и принесли ему весть о чужаках, объявившихся в Маг Рейн то ли из далекой земли, то

ли с небес, то ли приплывших на кораблях, то ли принесенных ветром.

Гонцы думали, что король удивится, услышав о чужом воинстве, но король не удивился. Ночью ему был вещий сон, а наутро друиды сказали, что недолго ему жить в мире и покое и скоро придется его воинам встретиться лицом к лицу с сильным врагом.

Король Эохайд созвал в Таре совет, и на нем было решено послать к пришельцам могучего мужа, чтобы он говорил с ними. Выбор пал на Сренга, великого воина. Он встал со своего места, взял крепкий красно-коричневый щит, и два тяжелых копья, и меч, и железную дубинку и отправился в Маг Рейн.

Еще он не приблизился к Маг Рейн, а стражи сидов уже увидели его и послали ему навстречу своего героя Бреса с мечом, щитом и двумя копьями.

Медленно сходились герои, смотрели в оба, пока не сблизились настолько, что могли слушать и говорить. Остановившись, оба выставили перед собой щиты и смотрели поверх них. Первым подал голос Брес, и когда Сренг услышал родной ирландский язык, то немного успокоился и подошел поближе, после чего они назвали друг другу свои имена, и имена своих отцов, и имена дедов.

Много ли, мало ли прошло времени, но отставили герои щиты. И Сренг сказал, что поднял щит из страха перед тяжелыми копьями, которые Брес держал в руке. И Брес сказал, что поднял щит из страха перед тяжелыми копьями, которые Сренг держал в руке. Потом Брес спросил, у всех ли фирболгов такие копья, и Сренг позволил Бресу лучше их разглядеть. Качая головой, Брес дивился на крепкие и тяжелые и острые на обоих концах копья, хотя и без наконечников. Сренг сказал ему, что такие копья его соплемен-